

Е. А. Фролова^{а)}, В. А. Маланина^{б)}^{а)} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация^{б)} Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Российская Федерация^{а)} <https://orcid.org/0000-0002-9440-0173>^{б)} <https://orcid.org/0000-0001-7331-0358>, e-mail: milanskaya@mail.ru

Индекс активного долголетия в регионах Сибири¹

Значительный уровень территориального и регионального неравенства в России обусловлен различиями социально-экономического положения регионов, территориального размещения производства и ресурсов, уровня бюджетной обеспеченности и этнокультурными особенностями. В состав Сибирского федерального округа входят регионы с выраженной отраслевой и демографической спецификой, что формирует существенные различия в качестве жизни разных возрастных групп. Целью исследования является оценка параметров активного долголетия в региональном и территориальном аспектах как обоснование проектирования инструментов государственной политики активного долголетия, направленной на выравнивание шансов и возможностей продуктивной жизни старшего поколения после достижения пенсионного возраста. Гипотеза исследования: существуют серьезные различия индивидуальных и социальных условий, которые определяют степень и формы активности пенсионеров в городских и сельских населенных пунктах. В данной работе на основе оригинальной методики индекса активного долголетия (Active Ageing Index) авторами впервые проведена оценка индикаторов активного долголетия для городских и сельских населенных пунктов Сибирского федерального округа. Использование данной международной методики сопряжено с методологическими трудностями в связи с необходимостью подбора прокси-индикаторов для данных, отсутствующих в российской статистике. В среднем по регионам Сибири значения индекса активного долголетия для городских населенных пунктов составляют 26,41, для сельской местности — 23,91. Максимальное значение индекса активного долголетия среди макрорегионов РФ наблюдается в Северо-Западном федеральном округе — 32,2, среди европейских стран в Швеции — 44,9. Городские населенные пункты в сибирских регионах опережают сельскую местность по уровню занятости старшего поколения в среднем на 8 п. п., уступая на 3,5 п. п. по параметрам участия в жизни общества. По наличию возможностей для активного долголетия города опережают села на 7 п. п., по индикаторам здоровой и безопасной жизни разрыв практически отсутствует. Результаты исследования применимы при разработке мер социальной политики, направленной на улучшение условий активного долголетия для жителей сельской местности.

Ключевые слова: старение населения, индекс активного долголетия (ААИ), качество жизни, региональное неравенство, Сибирский федеральный округ (СФО), социальная активность, благополучие, пожилые люди, занятость, разрыв в параметрах активного долголетия между городом и сельской местностью

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19–410–700003 р_а 2019).

Для цитирования: Фролова Е. А., Маланина В. А. Индекс активного долголетия в регионах Сибири // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 209–222. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16>

¹ © Фролова Е. А., Маланина В. А. Текст. 2021.

RESEARCH ARTICLE

Elena A. Frolova ^{a)}, Veronika A. Malanina ^{b)}^{a)} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation^{b)} Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation^{a)} <https://orcid.org/0000-0002-9440-0173>^{b)} <https://orcid.org/0000-0001-7331-0358>, e-mail: milanskaya@mail.ru**Active Ageing Index in Siberian Regions**

Considerable inequality among Russian regions is rooted in social and economic disparities, territorial distribution of production and resources, fiscal capacity and ethno-cultural characteristics. The Siberian Federal District includes regions with pronounced industry and demographic specificity, causing significant differences in the quality of life of the population in different age groups. We assess the parameters of active ageing depending on regional and territorial aspects to develop measures for establishing the active ageing policy, equalising the opportunities for the older generation to lead a productive life after reaching retirement age. We hypothesise that the differences in individual and social conditions shape the activities of older adults in urban and rural settlements. Based on the international methodology of the Active Ageing Index, we assessed the indicators of active ageing for urban and rural areas of the Siberian Federal District. We revealed some shortcomings of the original methodology and suggested relevant proxy indicators, compensating for the lack of data in Russian statistics. The mean Active Ageing Index for the Siberian Federal district is 26.41 for urban and 23.91 for rural areas. The maximum value of the Active Ageing Index among macro-regions of Russia is 32.2 in the Northwestern Federal District; the maximum among European countries is 44.9 in Sweden. The value of employment indicator in urban areas in Siberia exceeds the rural one by 8 percentage points. However, the parameter of participation in society is lower by 3.5 percentage points. In terms of opportunities for active ageing, this indicator is higher by 7 percentage points in urban areas, while values of the indicator of independent and secure living are almost the same in both areas. The study results may be applicable in the development of social policies promoting active ageing among rural population.

Keywords: population ageing, Active Ageing Index, quality of life, regional inequality, Siberian Federal district, social activity, wellbeing, older adults, employment, rural-urban disparity in active ageing

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, the project № 19-410-700003 r_a 2019.

For citation: Frolova, E. A. & Malanina, V. A. (2021). Active Ageing Index in Siberian Regions. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(1), 209-222, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16>

Введение

В мире существуют различные концепции и методики оценки качества жизни — индекс человеческого развития (ИЧР), международный индекс счастья (*Happy Planet Index*), однако данные методики оценивают качество жизни населения в целом, в то время как для корректной оценки качества жизни пожилых людей требуются специфические индикаторы. Исследованиями в области активного долголетия занимаются крупные международные организации: Совет Европы, Европейская экономическая комиссия ООН, Всемирная организация здравоохранения, ряд научных групп: Оксфордский институт старения населения, Центр исследований старения Университета Саутгэмптона (Великобритания).

Концепция активного долголетия предполагает, что индивиды, достигшие пенсионного возраста, не становятся пассивными получателями пенсий и социальных услуг, а продолжают активно формировать свою жизненную позицию в рамках сообществ, в которые они включены [1–5]. Сферы активного долголетия, чаще

всего попадающие в поле научного интереса исследователей, — это занятость старшего поколения [6–8], социальная активность [9–14], факторы, обеспечивающие независимую, здоровую и безопасную жизнь, личностные и институциональные факторы поддержания социальной активности [15–18]. Для старшего поколения России *Active ageing index* впервые был рассчитан в 2016 г. [19]. Позже были рассчитаны параметры долголетия и для макрорегионов (федеральных округов) [20]. Некоторые авторы предлагают опираться только на доступные статистические данные при дизайне индексов. По такому принципу построен российский индекс благополучия старшего поколения (РИБСП), рассчитанный для 83 субъектов РФ [21].

Проблема исследования активного долголетия предусматривает выявление причинно-следственных связей между различными факторами этого процесса в контексте национальных и региональных особенностей. В ряде стран наблюдается значительный уровень занятости пожилых и низкий уровень социаль-

ной активности (общение с детьми, внуками, волонтерская деятельность, занятия спортом), в других наблюдается обратная тенденция. Причины подобных различий могут объясняться как социальной политикой, так и национальными или региональными особенностями жизни населения и субъективными предпочтениями в выстраивании индивидуальных стратегий поведения. Актуальная задача для исследователей процесса активного долголетия — разработка и апробация методик оценки параметров и результатов активного долголетия на основе анализа взаимовлияния его факторов и понимания причин возникающего неравенства в процессах старения [22]. Дополнительные трудности связаны с методологией исследования активного долголетия¹. Зарубежные подходы и источники данных не могут быть в полной мере использованы в России [23–25]. Требуется сравнительная оценка имеющихся информационных ресурсов и отбор релевантных концепции активного долголетия индикаторов.

Методы

Active Ageing Index был предложен для использования в 2012 г. для стран Европейского союза, а затем апробирован в неевропейских государствах, включая Индию, Китай и Россию. Возможности и ограничения индекса активного долголетия определяются его структурой и набором индикаторов. Индекс включает 22 индикатора, логически интегрированных в четыре блока (сферы активности старшего поколения).

Первый блок — «Занятость» позволяет оценить уровень вовлеченности пожилых людей в оплачиваемую деятельность для четырех возрастных групп (55–59 лет, 60–64 года, 65–69 лет и 70–74 года). Занятость трактуется максимально широко, она не обязательно должна предполагать полную рабочую неделю. Работа или подработка более часа в неделю является достаточным условием, определяющим статус пожилого человека как занятого. Во многих европейских странах полная занятость в качестве наемного работника после наступления официального пенсионного возраста законодательно запрещена. В России прямого запрета на полную занятость пенсионеров нет,

но существуют ограничения для руководящих должностей, занимаемых на конкурсной основе. Возможность использования методики *AAI* для определения параметров активного долголетия в России по первому блоку индекса подкрепляется имеющимися в национальной статистике данными.

Второй блок — «Участие в жизни общества» отражает степень вовлеченности пожилых людей в деятельность благотворительных организаций, заботу о детях, внуках и других нуждающихся в помощи людях и участие в политической деятельности (митинги, петиции, встречи с представителями власти и депутатами). В третьем блоке — «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» агрегируются показатели физической активности, доступности медицинских услуг, независимого проживания пожилых людей. Присутствуют индикаторы финансового характера — относительный медианный располагаемый доход, риск бедности и серьезной материальной депривации, а также показатели физической безопасности и образовательной активности в третьем возрасте. Четвертый блок — «Возможности для активного и здорового долголетия» объединяет оценки ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет, здоровой жизни в возрасте 55 лет, ментального благополучия, использования информационно-коммуникационных технологий, социальных взаимодействий и уровня образования. Каждому индикатору эксперты присвоили определенный вес, а итоговые значения всех блоков сводятся в интегрированное значение индекса для изучаемого региона (табл. 1).

Методика *AAI* используется как в европейских странах, так и за пределами ЕС. Судя по публикациям и тематическим семинарам, интерес исследователей сосредоточен, во-первых, на возможностях применения индекса на региональном (*subnational*) уровне, во-вторых, на возможностях использования его в качестве основы мер экономической политики в интересах пожилых людей. Важным элементом развития методологии является определение целевых значений индикаторов, к которым необходимо стремиться странам в обеспечении условий для активного долголетия граждан. С 2018 г. целевые индикаторы не формулируются, стэйкхолдерам предлагается устанавливать их самостоятельно на национальном, региональном или муниципальном уровне.

Практическое применение *AAI* в России осложняется тем, что данные по РФ есть не во всех

¹ UNECE / European Commission Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level: Guidelines. [Electronic resource]. URL: https://statswiki.unece.org/display/AAI/VI.+Documents+and+publications?previeiw=/7628789/214892608/AAI_Guidelines_final.pdf (дата обращения 20.07.2019).

Структура компонентов индекса активного долголетия (Active Ageing Index)

Components of the Active Ageing Index

Компонент	Описание показателя в оригинальной методике	Показатели КОУЖ-2016 / прокси-индикаторы для России
<i>Блок 1. Занятость / Employment</i>		
1.1 Занятость (55–59 лет) / <i>Employment rate 55–59</i>	«Did you do any paid work in the 7 days ... either as an employee or as self-employed?»** 1. Yes	Аналогично оригинальной методике: «Выполняли ли Вы на прошлой неделе какую-нибудь оплачиваемую работу или имели доходное занятие, включая различного рода подработку?»*** 1. Да
1.2 Занятость (60–64 года) / <i>Employment rate 60–64</i>		
1.3 Занятость (65–69 лет) / <i>Employment rate 65–69</i>		
1.4 Занятость (70–74 года) / <i>Employment rate 70–74</i>		
<i>Блок 2. Участие в жизни общества / Participation in society</i>		
2.1 Добровольческая деятельность / <i>Voluntary activities</i>	«How often did you do unpaid voluntary work through the following organisations (12 months)? a. Community/ social services b. Educational, cultural, sports or professional associations c. Social movements e. Other voluntary organization»** 1. Every week	«Являетесь ли Вы членом каких-либо профсоюзных, общественных, добровольных или благотворительных организаций?»*** 1. Да (прокси-индикатор)
2.2 Забота о детях и внуках / <i>Care to children, grandchildren</i>	«How often are you involved in the following activities? Caring for / educating your children/ grandchildren every day / several days a week/ once or twice a week»**	«Входит ли в круг ваших ежедневных занятий уход за детьми, своими собственными или чужими (без оплаты)?»*** 1. Да (прокси-индикатор)
2.3 Забота о пожилых / <i>Care to older adults</i>	«How often are you involved in the following activities? Caring for disabled or infirm family members, neighbors or friends every day / several days a week/ once or twice a week»**	«Входит ли в круг ваших ежедневных занятий уход за другим лицом, которое нуждается в помощи из-за престарелого возраста, болезни или нетрудоспособности?»*** 1. Да» (прокси-индикатор)
2.4 Политическое участие / <i>Political participation</i>	«Over the last 12 months, have you...? a. Attended a meeting of a trade union, a political party b. Attended a protest or demonstration c. Signed a petition... d. Contacted a politician or public official»** 1. Yes	Аналогично оригинальной методике: «На протяжении последних 12 месяцев вы... - Обращались к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти? - Принимали участие в работе политической партии, группы...? - Подписывали петиции, обращения? - Принимали участие в разрешенных демонстрациях?»*** 1. Да
<i>Блок 3. Независимая, здоровая и безопасная жизнь / Independent and secure living</i>		
3.1 Физическая активность / <i>Physical exercise</i>	«How frequently do you ... take part in sports or physical exercise 1. Every / almost every day»**	«В течение этого года занимались ли Вы активными видами отдыха?»*** 1. Да (прокси-индикатор)
3.2 Отсутствие неудовлетворенных потребностей в медицинской и стоматологической помощи / <i>No unmet needs of health and dental care</i>	«No occasion when the respondent needed medical or dental treatment but was unable to receive it»*	«Существуют ли в Вашем населенном пункте проблемы, связанные с... недоступностью услуг в сфере медицинского обслуживания?»*** 2. Нет (прокси-индикатор)

Компонент	Описание показателя в оригинальной методике	Показатели КОУЖ-2016 / прокси-индикаторы для России
3.3 Независимое проживание / <i>Independent living arrangements</i>	<i>Share of people 75+ who live in single or couple households*</i>	Аналогично оригинальной методике: «одиноко проживающие старше 75 лет и домохозяйства супругов, хотя бы один из которых старше 75 лет»
3.4 Относительный средний доход / <i>Relative median income</i>	<i>Disposable income is calculated as a sum of all monetary incomes after deducting taxes*</i>	Аналогично оригинальной методике: сумма всех денежных доходов домохозяйства за вычетом налогов
3.5 Отсутствие риска бедности / <i>No poverty risk</i>	<i>Percentage of people 65+ who are not at risk of poverty (with disposable income above the risk-of-poverty threshold set at 50 % of the national median disposable income)*</i>	Аналогично оригинальной методике: процент людей старше 65, не имеющих риска бедности (имеющих доходы не ниже 50 % от среднего располагаемого дохода по стране)
3.6 Отсутствие материальной депривации / <i>No material deprivation</i>	<i>Percentage of people aged 65+ not severely materially deprived, i.e., can afford 4 out of the 9 items (pay the rent, mortgage/bills, keep home warm, face unexpected expenses, eat proteins, go on holiday, have a TV set, washing machine, car, phone)**</i>	Принадлежность респондента к категории «малоимущие граждане»*** (прокси-индикатор)
3.7 Физическая безопасность / <i>Physical safety</i>	«How safe do you feel walking alone in this area after dark?» 1. very safe 2. safe»	Аналогично оригинальной методике: «Насколько безопасно Вы себя чувствуете на улице... в темное время суток?»*** 1. Совершенно безопасно 2. Достаточно безопасно»
3.8 Обучение в течение жизни / <i>Lifelong learning</i>	«Did you attend any courses, seminars, conferences ... within the last 4 weeks?»** 1. Yes	«Учитесь ли Вы в образовательной организации в настоящее время?»*** 1. Да (прокси-индикатор)
<i>Блок 4. Возможности для активного и здорового долголетия / Capacity and enabling environment for active ageing</i>		
4.1 Относительная ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет / <i>RLE at 55</i>	«Remaining life expectancy at 55 divided by 50 to calculate the proportion of life expectancy in the target of 105 years of life expectancy»*	Аналогично оригинальной методике: «среднее число лет, которое проживет человек, достигший возраста 55 лет, при сохранении текущих возрастных коэффициентов смертности (целевой показатель 105 лет)»
4.2 Доля лет здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет / <i>Share of healthy life years in the RLE at 55</i>	«The remaining number of years free of activity limitations caused by health problems»*	Аналогично оригинальной методике (* в агрегированном виде): «среднее число лет, которое проживет человек, достигший возраста 55 лет без ограничения активности по причинам плохого здоровья»
4.3 Психологическое благополучие / <i>Mental well-being</i>	«Over the last two weeks I: (felt cheerful/in good spirits / calm & relaxed/ active & vigorous/ woke up feeling fresh & rested/ daily life filled with things that interest me) all / most of the time/ more than half of the time»*	Аналогично оригинальной методике для Томской области по данным исследования Master Study 2 (прокси-индикатор для остальных регионов)
4.4 Использование информационно-коммуникационных технологий / <i>Use of ICT</i>	«How often have you used Internet in the last 3 months? At least once a week and more often»**	«Аналогично оригинальной методике Как часто Вы пользуетесь выходом в сеть «Интернет?»*** Один раз в неделю» и чаще
4.5 Социальные связи / <i>Social connectedness</i>	«How often socially meet with friends, relatives/colleagues? once a week/several times a week/ every day»**	Аналогично оригинальной методике: «Как часто Вы встречаетесь с друзьями, родственниками, коллегами (не по рабочим вопросам)»**

Окончание табл. на след. стр.

Компонент	Описание показателя в оригинальной методике	Показатели КОУЖ-2016 / прокси-индикаторы для России
4.6 Уровень образования / <i>Educational attainment</i>	«Highest ISCED level attained 3 (<i>upper secondary</i>) 4 <i>post-secondary</i> 5 <i>tertiary</i> »**	Аналогично оригинальной методике: «Какое образование Вы имеете?»*** От уровня среднего общего до кадров высшей квалификации

Составлено по:

* Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology, and Final Results / Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., Schmidt A., Vanhuyse P., Zolyomi E. URL: https://www.euro.centre.org/data/aa/1253897823_70974.pdf (дата обращения 24.07.2019).

** European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения 29.07.2019).

*** Комплексное наблюдение условий жизни населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (дата обращения 24.07.2019).

волнах *European Social Survey (ESS)*¹ и отсутствуют в трех других европейских обследованиях, на которых базируется оригинальный индекс активного долголетия — Европейского исследования рабочей силы (*LFS*)², исследования доходов и условий жизни (*SILC*)³, исследования качества жизни (*EQLS*)⁴. При адаптации методики ААИ для России необходимо использовать аналогичные вопросы из национальной статистики или близкие по смыслу прокси-индикаторы. В этом исследовании мы опираемся на данные КОУЖ-2016⁵, где выборка пожилых людей по сибирским регионам превышает 6 тыс. чел.; в меньшей степени в исследовании используются данные Росстата по старшему поколению⁶ в силу агрегированной формы их представления и RLMS НИУ ВШЭ⁷ в силу ограниченного количества включенных регионов. В блоке «Занятость» использовался вопрос КОУЖ-2016 «Выполняли ли Вы на прошлой неделе какую-нибудь оплачиваемую работу...?»

Формулировка вопроса и подход к определению степени вовлеченности старшего поколения в производительную деятельность совпадают в Европе и России. В методике ААИ занятость пожилых людей в среднем по всем возрастным группам имела целевое значение (*goalpost*) 54,2 в 2014 г., однако ни одна страна ЕС его не достигла. Фактическое значение занятости пожилых в ЕС в 2018 г. — 31,1, а целевые значения в аналитическом отчете по ААИ не фигурируют.

В блоке «Участие в жизни общества» индикатор 2.1 измеряет степень вовлеченности старшего поколения в другие виды деятельности за пределами оплачиваемой занятости. В Европейском социальном исследовании (*ESS*) для оценки волонтерской деятельности есть вопрос о частоте занятия такой деятельностью в рамках добровольческих организаций, причем критерием отсечения является частота «не менее одного раза в неделю». Формулировка вопроса о волонтерстве в российской статистике почти аналогична (КОУЖ-2016, вопрос I09_51). Индикаторы 2.2 и 2.3, отражающие частоту заботы о детях и внуках и иных недееспособных лицах на минимально требуемом уровне «раз в неделю», отсутствуют в российских базах данных. Похожие, но не аналогичные вопросы можно найти в КОУЖ (табл. 1). Данные по этим показателям могут исказить реальную картину в силу высокой требуемой частоты такого рода деятельности для положительного ответа и иного статуса объектов заботы в индикаторе 2.2. Однако эти вопросы являются наиболее близкими по смыслу и используются как прокси-индикаторы. Для оценки уровня вовлеченности в политическую активность в оригинальной методике ААИ используется набор вопросов для оценки частоты контактов с политиками, органами власти, участия в митингах за последний год. Аналогичный набор вопросов доступен в КОУЖ-2016. Таким об-

¹ European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения 29.07.2019).

² European Union Labour Force Survey. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-labour-force-survey> (дата обращения 24.07.2019).

³ European Union Statistics on Income and Living Conditions. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-statistics-on-income-and-living-conditions> (дата обращения 29.07.2019).

⁴ European Quality of Life Surveys. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-quality-of-life-surveys> (дата обращения 24.07.2019).

⁵ Комплексное наблюдение условий жизни населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (дата обращения 24.07.2019).

⁶ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/ (дата обращения 20.07.2019).

⁷ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения 29.07.2019).

разом, для оценки уровня вовлеченности старшего поколения в деятельность за пределами занятости существуют аналогичные или похожие российские статистические индикаторы.

Блок «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» объединяет индикаторы, формирующие физические и экономические условия для комфортного долголетия. Два показателя — относительный средний доход и отсутствие риска бедности — это статистические макроиндикаторы, отражающие материальное положение представителей старшего поколения в сравнении с остальными возрастными группами населения. Оба индикатора доступны в статистике в агрегированном виде для России в целом. Для понимания региональных различий необходимы данные о доходах граждан как трудоспособного, так и пенсионного возрастов. В КОУЖ-2016 напрямую такой вопрос респондентам не задается, в базе данных этого обследования есть «временные» интервьюером доходы индивида, что существенно снижает точность оценок. Остальные шесть индикаторов третьего блока рассчитываются на основе первичных данных опросов, причем для всех, кроме индикатора серьезной материальной депривации, в КОУЖ есть похожие вопросы. Определенные сложности существуют с оценкой уровня физической активности, которая в оригинальной методике предполагает занятия спортом почти каждый день, а в российских статистических базах есть вопрос не о частоте занятий спортом, а о самом факте занятия спортом в течение года. Вопрос о доступности медицинской помощи в КОУЖ задается респондентам напрямую, но в отрыве от личного опыта (табл. 1). В методике AAI используется субъективный и точно определяющий понятие «доступность» вопрос об отсутствии неудовлетворенных потребностей в медицинском обслуживании у конкретного респондента, а не у неопределенного круга лиц, по мнению респондента. Материальная депривация в европейской методологии (SILC) определяется готовностью респондента к запланированным или незапланированным, но необходимым расходам (табл. 1). В российских лонгитюдных опросах населения аналогичных вопросов не задается, исключение составляет перепись населения, но периодичность ее проведения не позволяет оперативно отслеживать ситуацию депривации. Трактую данный индикатор как показатель готовности нести финансовые затраты на поддержание базовых потребностей домохозяйства, для целей расчета индекса актив-

ного долголетия в России в качестве прокси-индикатора материальной депривации в данном исследовании используется доступная в базе КОУЖ-2016 принадлежность респондента к категории «малоимущие граждане». Некоторые показатели для корректного расчета по третьему блоку AAI отсутствуют в российской статистике, но релевантные прокси-индикаторы позволяют представить относительно точную картину степени независимого и безопасного проживания пожилых людей в регионах СФО.

Четвертый блок объединяет объективные и субъективные параметры долголетия. Показатели продолжительности жизни и лет здоровой жизни в возрасте 55 лет доступны в европейских опросах здоровья. Для России первый показатель доступен в Росстате в необходимой разбивке по полу, возрасту и региону проживания; ожидаемая продолжительность здоровой жизни является относительно новым показателем для России, и он доступен только в агрегированном виде, либо в разбивке по регионам, но для возраста 65 лет и старше¹. Вопросы о психологическом благополучии задаются респондентам в ESS, соответственно, в волнах, где Россия присутствует, возможно корректное сравнение с другими странами. Данные по использованию информационно-коммуникационных технологий доступны в КОУЖ-2016 в аналогичной формулировке, что позволяет выявить респондентов, использующих ИКТ минимум несколько раз в неделю. Индикатор социальных связей, трактуемый как встречи с друзьями, родственниками не реже раза в месяц, присутствует как в ESS, так и в КОУЖ, соответственно, последний предпочтителен с точки зрения большей выборки и возможности большей детализации информации по респондентам. Показатель уровня образования типичен для опросов по тематике качества и условий жизни и отражает наивысший уровень образования, полученный респондентом.

Таким образом, несмотря на отсутствие некоторых индикаторов в российских статистических базах данных, индекс активного долголетия можно рассчитать для российских регионов с использованием прокси-индикаторов.

¹ Российский демографический лист 2019. Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Федеральная служба государственной статистики и Международный институт прикладного системного анализа, 2019.

Таблица 2

Размер выборки респондентов старшего поколения в регионах СФО в зависимости от места проживания (КОУЖ-2016)

Table 2

Sample size of the older generation respondents in regions of the Siberian Federal District, depending on the place of residence (Comprehensive monitoring of living conditions-2016)

Регион СФО	Всего граждан в возрасте 55+	из них городское население	из них сельское население
Алтайский край	784	385	399
Забайкальский край	370	214	156
Иркутская область	684	49	187
Кемеровская область	845	639	206
Красноярский край	846	553	293
Новосибирская область	99	627	272
Омская область	657	425	232
Республика Алтай	156	77	79
Республика Бурятия	316	180	136
Республика Тыва	111	56	55
Республика Хакасия	255	151	104
Томская область	308	207	101
Итого	6231	4005	2226

Составлено по: КОУЖ-2016.

Результаты

В целях проверки гипотезы о наличии существенных различий форм и степени активности пожилых людей был рассчитан индекс активного долголетия для регионов СФО в границах 2016 г. (самые актуальные из доступных данных в ESS и КОУЖ-2016) в составе 12 регионов (табл. 2).

В целом выборка отражает экономическую специализацию регионов, в том числе преобладание сельского населения в Алтайском

крае, Республике Алтай и Республике Тыва, что соответствует территориальной специализации данных регионов. Рейтинг регионов Сибири по итоговому значению AAI представлен на рисунке 1.

Максимальные значения индекса активного долголетия в СФО показывают Новосибирская область и Республика Алтай (рис. 1). Томская область и Красноярский край занимают третью позицию в рейтинге. Замыкают список Кемеровская и Омская области. Региональная

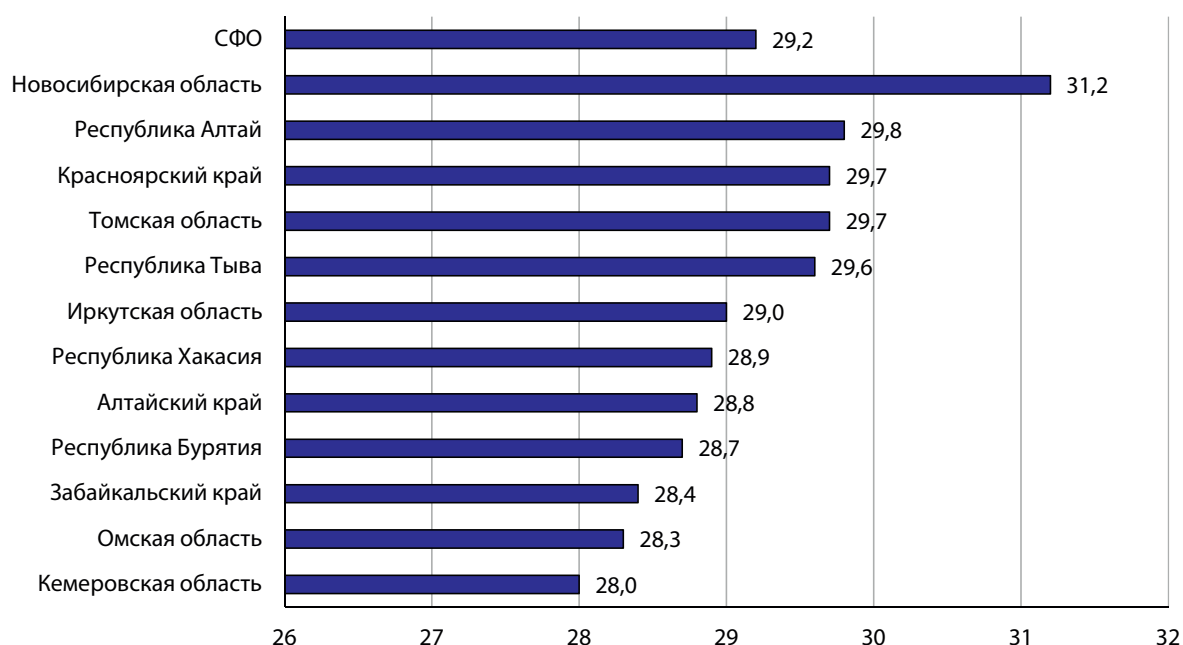

Рис. 1. Рейтинг регионов СФО по индексу активного долголетия

Fig. 1. Ranking of regions of the Siberian Federal District by the Active Ageing Index

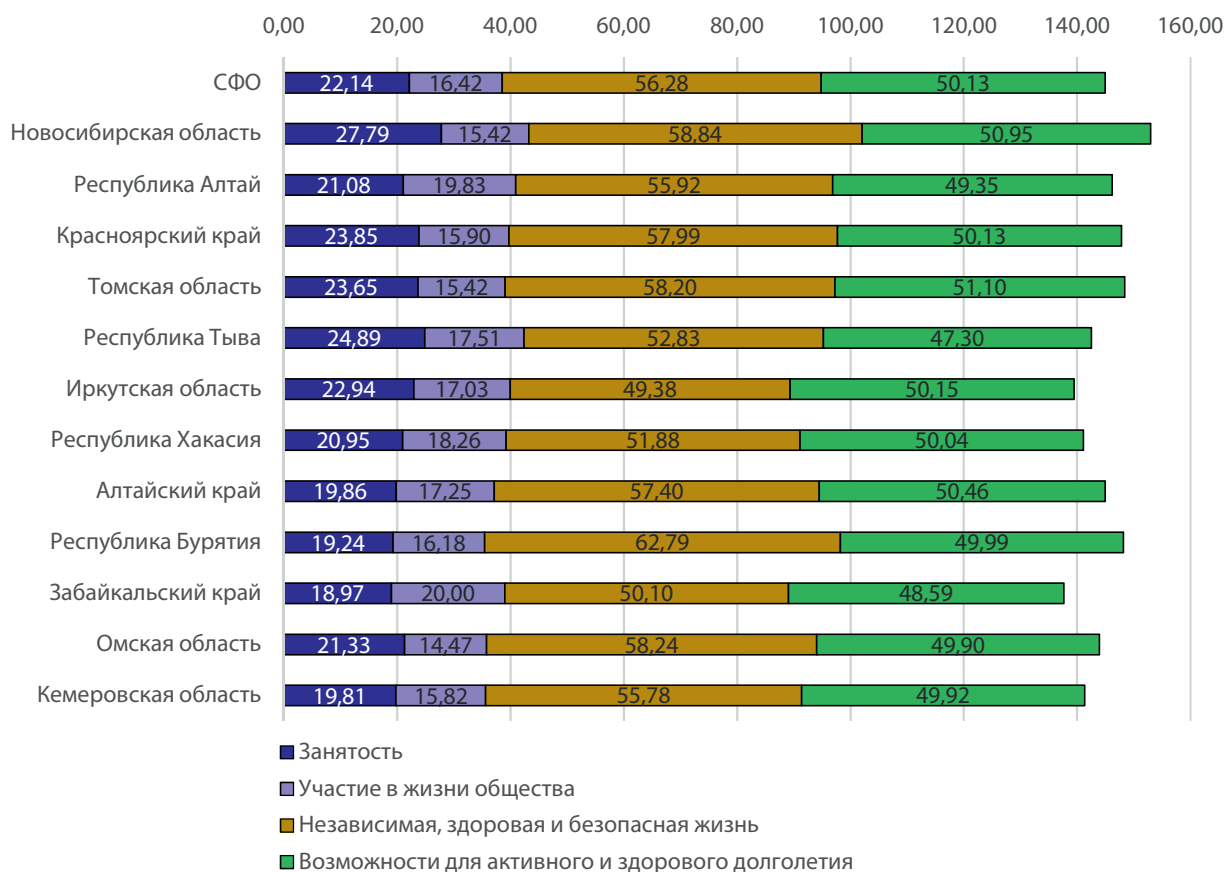

Рис. 2. Компоненты индекса активного долголетия для регионов СФО накопительным итогом
Fig. 2. Components of the Active Ageing Index for regions of the Siberian Federal District, cumulative total

специфика активного долголетия в СФО неочевидна на уровне итоговых агрегированных значений; она проявляется на уровне компонентов ААИ (рис. 2).

Лидерство Новосибирской области обеспечивается высоким уровнем занятости населения в старших возрастных группах (более чем на 5 п. п. чем в среднем по СФО и 7 п. п. чем в регионах-аутсайдерах по занятости). При относительно скромном значении индикаторов в блоке «Участие в жизни общества» лидерство Новосибирской области в обеспечении активного долголетия укрепляется за счет параметров независимой и здоровой жизни и основано на использовании накопленного потенциала пожилых людей. Конкурентным преимуществом Томской области являются параметры, определяющие возможности для активного долголетия (уровень образования, социальные связи, использование ИКТ и др.), однако по другим аспектам (кроме занятости) пожилые люди в Томской области находятся в сопоставимом положении.

Весомым преимуществом в активном долголетии в Республике Алтай является участие пожилых людей в жизни общества в части внутрисемейных отношений, что при более высо-

ком весе этого блока параметров (35 %) в общем индексе активного долголетия компенсирует относительно низкие значения занятости и условий успешного долголетия (блоки 1 и 4). Однако в Республике Тыва более высокий уровень занятости и участия в жизни общества (по сравнению со средним по СФО) компенсирует отставание по параметрам потенциала пожилых людей в области активного и здорового долголетия (самое низкое значение среди всех регионов СФО). Положение Кемеровской и Омской областей в общем рейтинге обусловлено сравнительно более низкими значениями параметров индекса активного долголетия по большинству блоков. Забайкальский край характеризуется самым низким уровнем занятости среди пожилых людей в СФО (19 %) и низким качеством инфраструктуры, которая обеспечивает независимую, здоровую и безопасную жизнь (в соседней Республике Бурятия этот показатель на 12 п. п. выше). Вместе с тем, именно жители Забайкальского края — лидеры по блоку «Участие в жизни общества», что несколько компенсирует провалы по занятости и качеству инфраструктуры. Республика Хакасия, Алтайский край и Иркутская область занимают положение в середине рейтинга,

Значения индекса активного долголетия для регионов СФО в разрезе город / сельская местность

Table 3

Values of the Active Ageing Index for regions of the Siberian Federal District in urban and rural areas

Регион	Занятость		Участие в жизни общества		Независимая и безопасная жизнь		Возможности активного долголетия		Итоговый ААИ	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
Алтайский край	21,30	16,05	16,85	17,64	57,02	58,39	35,73	29,13	26,2	23,46
Забайкальский край	22,79	14,74	18,75	21,71	50,93	48,87	32,88	26,29	26,21	22,9
Иркутская область	26,44	13,66	15,92	19,99	46,77	56,22	35,50	28,38	26,6	23,08
Кемеровская область	21,62	14,16	15,85	15,75	56,71	52,31	34,22	26,75	25,63	21,05
Красноярский край	23,33	17,34	13,84	19,77	56,82	59,22	34,68	27,93	25,63	24,5
Новосибирская область	31,00	20,39	13,78	19,21	59,25	59,58	35,63	29,01	28,72	25,62
Омская область	23,74	16,18	14,21	14,95	57,98	57,79	34,35	26,69	25,95	22,01
Республика Алтай	27,54	15,85	18,99	20,65	61,76	48,64	32,46	28,01	28,96	23,24
Республика Бурятия	22,15	16,39	14,72	18,11	63,96	61,45	34,42	28,55	26,18	23,93
Республика Тыва	22,71	30,83	11,50	23,64	60,06	43,05	31,52	27,26	24,28	28,82
Республика Хакасия	21,14	19,89	14,74	23,38	51,43	52,16	33,88	30,38	24,48	26,44
СФО	25,96	17,06	15,20	18,63	56,23	56,16	37,36	30,27	26,41	23,91
Томская область	28,57	13,93	15,04	16,21	56,63	54,27	35,73	29,30	28,07	21,84

Составлено авторами.

обеспечивая близкое к среднему по СФО качество жизни населения пожилых людей. В двух из трех упомянутых регионов наблюдаются серьезные проблемы в части параметров обеспечения независимой, здоровой и безопасной жизни, что непосредственно определяется качеством социальной инфраструктуры.

Особое внимание региональной и муниципальной власти к вопросам обеспечения качества жизни пожилых людей среди всех регионов СФО требуется в Кемеровской и Омской областях. Комплекс существующих элементов инфраструктуры не позволяет в достаточной степени обеспечивать независимость и самостоятельность пожилых людей и использование потенциала старшего поколения в решении проблем тех сообществ и социальных групп, в которые они вовлечены.

Расчитанные авторами значения ААИ для города и деревни по регионам Сибири приведены в таблице 3.

В блоке «Занятость» разрыв между городскими и сельскими населенными пунктами значителен (в среднем 8 п. п. по СФО), причем в регионах, ориентированных на тяжелую и добывающую промышленность, он больше, чем в регионах с преобладанием легкой и пищевой промышленности. Для регионов, позиционирующих себя как научно-образовательные центры Сибири и России, — Томска, Новосибирска и Красноярска — занятость в возрасте старше 55 относительно высока в сравнении с другими регионами СФО. Значительный разрыв

между городом и деревней по занятости характерен для всех регионов СФО; в Иркутской области он достигает максимума в 2 раза. Только в Республике Тыва занятость на селе превышает занятость в городе на 8 п. п.

Блок «Участие в жизни общества» оказался единственным, где сельская местность опережает города в среднем по СФО и в 11 регионах из 12. Только в Кемеровской области индикаторы участия в политической, добровольческой деятельности и заботе о других людях отличаются на 0,1 п. п. в пользу города. Забота о детях, внуках и пожилых является драйвером данного блока, и для сельских жителей пенсионного возраста в условиях ограниченных возможностей занятости становится ее субститутом и способом предоставить возможности для трудоустройства молодому поколению, взяв заботу о внуках на себя. В добровольческую активность в городе и деревне по СФО вовлечены около 2 % опрошенных респондентов, политическая активность в 2016 г. отсутствует.

В блоке «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» существенных отличий между городскими и сельскими населенными пунктами, равно как и между регионами СФО, практически нет. Два региона, демонстрирующие наличие серьезного разрыва между городом и деревней, — это Республика Алтай и Республика Тыва (табл. 3). Данный факт объясняется критическим разрывом в индикаторах материального благополучия и доступа к медицин-

ским услугам. В указанных регионах сельские жители имеют серьезные ограничения в доступе к медицинским услугам — только 30 % пожилых людей в Республике Алтай и 34,5 % в Республике Тыва отмечают отсутствие неудовлетворенной потребности в медицинской помощи. В городах доступом к медицинской помощи удовлетворены 88 % и 64 % респондентов соответственно. Пожилые сельские жители Республики Тыва и Республики Алтай по отсутствию риска бедности на 20 п. п., а по отсутствию материальной депривации на 60 п. п. и 20 п. п. соответственно уступают горожанам.

В четвертом блоке «Возможности активного долголетия» по всем регионам СФО лидируют города. Значения почти всех индикаторов внутри четвертого блока (за исключением интенсивности социальных связей) также в городах выше, чем в сельской местности.

Результаты расчетов подтверждают, что города предсказуемо предоставляют более благоприятные условия и возможности для активного долголетия. Исключением из правила являются Хакасия и Тыва, где деревенское население старших возрастов имеет относительно высокую занятость и степень вовлеченности в жизнь общества. Наибольший разрыв между городом и деревней отмечается в Томской области (порядка 7 п. п.), причем только один из четырех блоков активного долголетия («Участие в жизни общества») имеет более высокие показатели для сельских жителей.

Самым благоприятным для старшего поколения регионом является Новосибирская область, имеющая высокие значения по трем блокам из четырех, но низкие показатели по участию в жизни общества. Наименее благополучным регионом стала Кемеровская область, демонстрирующая низкие показатели по всем блокам активного долголетия. Среди регионов СФО, как и в странах ЕС, есть территории, ориентированные преимущественно на обеспечение материального благополучия старшего поколения, на их активное участие в общественной жизни, независимое и безопасное проживание. Вместе с тем, есть регионы, где сильны социальные (родственные) связи и родовые ценности, которые укрепляют бабушки и дедушки, способствуя распространению традиционной культуры, что характерно для национальных республик / автономий. Результаты исследования позволяют сделать вывод о потенциальной необходимости территориальной адаптации мер социальной политики с целью сглаживания неравенства возможностей го-

родских и сельских пожилых людей в сфере активного долголетия.

Заключение

Результаты исследования позволяют расширить сферу использования европейской методики оценки параметров активного долголетия в аспекте оценки региональных особенностей РФ. Методика индекса активного долголетия может использоваться для комплексной оценки результатов реализации Федерального проекта «Старшее поколение», непосредственные индикаторы эффективности которого предполагают только текущий мониторинг лишь части аспектов обеспечения качества жизни старшего поколения (охват старшего поколения программами переподготовки и повышения квалификации, развитие системы долговременного ухода). Регулярный мониторинг параметров активного долголетия позволит сформировать научно-методическое обоснование государственной социально-экономической политики, направленной на повышение качества жизни старшего поколения и более полного использования его потенциала.

В результате исследования подтверждена гипотеза о наличии существенного разрыва в параметрах активного долголетия между городскими и сельскими населенными пунктами в регионах СФО, что является следствием дифференциации производственного потенциала регионов и уровня развития социальной инфраструктуры. Особенно значительная разница наблюдается в показателях доступности медицинской помощи в городской и сельской местности, уровне материальной обеспеченности пенсионеров и уровне занятости. Занятость и различные формы социальной активности (волонтерская деятельность, забота о детях, внуках и престарелых) часто являются вынужденными субститутами друг друга. В городах пожилые люди продолжают работать для обеспечения достаточного уровня жизни, что сокращает возможности их вовлеченности в неоплачиваемые виды деятельности. На селе вовлеченность в заботу о других чаще объясняется не результатом свободного выбора пожилого человека, а жизненной необходимостью.

Элементами научной новизны результатов данного исследования, на наш взгляд являются, во-первых, обоснование принципиальной возможности использования европейской методики оценки параметров активного долголетия с позиций выявления

внутристрановых и межстрановых особенностей для стран, которые не входят в состав ЕС и не участвуют в европейских проектах мониторинга параметров качества жизни различных групп населения. Во-вторых, выявление в регионах СФО территориальные различия параметров активного долголетия, обусловленных дифференциацией социально-экономического положения регионов или различиями в развитии инфраструктуры обеспечения качества жизни, что, несмотря на формальное наличие общероссийских норм и правил в отношении пожилых людей, определяет востребованность мер, направленных на решение актуальных проблем именно данного региона или населенного пункта. В рамках продолжения исследований перспективным представляется изучение параметров активного долголетия для остальных регионов РФ с учетом особенностей социально-экономи-

ческого территории, этнического состава населения, географических факторов и других признаков.

Авторы оригинальной методики индекса активного долголетия позиционируют ее как научное обоснование процессов проектирования и оценки эффективности мер государственной политики в интересах старшего поколения. Региональный мониторинг позволит осуществлять оценку мер улучшающего воздействия и апробировать новые инструменты. Это обстоятельство, в свою очередь, позволит обосновать необходимость формирования регулярно обновляемой базы данных параметров активного долголетия, что будет способствовать решению проблемы дефицита первичных данных и позволит обеспечить доступ к актуальной информации для всех заинтересованных пользователей.

Список источников

1. Boundly K. Active ageing: From empty rhetoric to effective policy tool // *Ageing and Society*. 2013. No. 33 (6). P. 1077–1098. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X1200030X>.
2. Foster L., Walker A. Active and successful ageing: A European policy perspective // *The Gerontologist*. 2014. 55(1), 83–90. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu028>.
3. Phillips J., Ajrouch K., Hillcoat-Nalietamby S. Key concepts in social gerontology London : Sage, 2010. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446251058>.
4. Bowling A., Dieppe P. What is successful ageing and who should define it? // *BMJ*. 2005. No. 331. P. 1548–1551. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.331.7531.1548>.
5. Stenner P., McFarquhar T., Bowling A. Older people and active ageing: Subjective aspects of ageing actively // *Journal of health psychology*. 2011. No. 16 (3). P. 467–477. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105310384298>.
6. Foster L. Active Ageing, Pensions and Retirement in the UK // *Population Ageing*. 2018. No. 11 (2). P. 117–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12062-017-9181-7>.
7. Rudawska I. Active ageing and its impact on labor market // *Economics & Sociology*. 2010. No. 3 (1). P. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2010/3-1/2>.
8. Le Feuvre N., Rougier N. Gender, Ageing and Extended Working Life: Cross-national Perspectives // *Ageing & Society*. 2019. No. 39 (5). P. 1093–1095. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19000126>.
9. Ammann I., Heckenroth M. Innovations for intergenerational neighborhoods // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2012. No. 10 (3). P. 228–245. DOI: <https://doi.org/10.1080/15350770.2012.699837>.
10. Formal volunteering as a protector of health in the context of social losses / H. Jang, F. Tang, E. Gonzales, Y. S. Lee, N. Morrow-Howell // *Journal of Gerontological Social Work*. 2018. No. 61 (8). P. 834–848. DOI: <https://doi.org/10.1080/01634372.2018.1476945>.
11. The Community Tool Box: A Web-based resource for building healthier communities / S. B. Fawcett, V. T. Francisco, J. A. Schultz, B. Berkowitz, T. J. Wolff, G. Nagy // *Public Health Reports*. 2000. No. 115. P. 274–278. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1308726/> (дата обращения: 01.07.2019).
12. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology, and Final Results / A. Zaidi, K. Gasior, M. Hofmarcher, O. Lelkes, B. Marin, R. Rodrigues, A. Schmidt, P. Vanhuysse, E. Zolyomi. URL: https://www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf (дата обращения: 24.07.2019).
13. Musick M. W., Regula Herzog A., House J. S. Volunteering and mortality among old adults: Findings from national sample // *The Journals of Gerontology: Psychological sciences and Social Sciences*. 1999. No. 54B. P. 173–180. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/54b.3.s173>.
14. Pilkington P. D., Windsor T. D., Crisp D. A. Volunteering and subjective well-being in midlife and older adults: The role of supportive social networks // *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2012. No. 67(2). P. 249–260. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr154>.
15. Hank K. How “Successful” Do Older Europeans Age? Findings From SHARE // *The journals of gerontology. Psychological sciences and social sciences*. 2011. No. 66B (2). P. 230–236. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq089>.
16. Helliwell J. F., Putnam R. D. The social context of well-being // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Biological Sciences*. 2004. No. 359 (1449). — P. 1435–1446. DOI: <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1522>.

17. Thompson N., Thompson S. Empowering older people: Beyond the care model // *Journal of Social Work*. 2001. No. 1. P. 61–76. DOI: <https://doi.org/10.1177/146801730100100105>.
18. Khambhaita P. Age-friendly Cities and Communities — A Global Perspective // *Ageing & Society*. 2019. No. 39(7). P. 1552–1553. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X19000485>.
19. Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia // *Journal of Population Ageing*. 2016. No. 10(1). P. 41–71. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12062-016-9164-0>.
20. Active Ageing Index: a Russian Study / G. Barysheva, E. Frolova, V. Malanina, E. Taran // *Building Evidence for Active Ageing Policies* / Eds. A. Zaidi, S. Harper, K. Howse, G. Lamura and J. Perek-Bialas. Singapore : Palgrave Macmillan, 2018. 470 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19.
21. Pavlova I. A., Monastyrny E. A., Gumennikov I. V. Developing the Russian Index of Elderly Population Well-Being: Principles and Conceptual Framework // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2017. No. 19. P. 514–522. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.70>.
22. Barslund M., von Werder M., Zaidi A. Inequality in active ageing: evidence from a new individual-level index for European countries // *Ageing & Society*. 2019. No. 39(3). P. 541–567. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X17001052>.
23. Sidorenko A., Zaidi A. Active ageing in CIS countries: Semantics, challenges, and responses // *Current gerontology and geriatrics research*. 2013. № 1. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1155/2013/261819>.
24. Что стоит за интегральными индексами благополучия? / И. А. Павлова, И. В. Гуменников, Е. А. Монастырный, Ш. Дхруви // *Вестник науки Сибири*. 2018. № 4 (31). С. 230–254. URL: <http://jwtsu.ru/journal/article/view/851/858> (дата обращения: 29.07.2019).
25. Olivera J. A cross-country and cohort analysis of active ageing differences among the elderly in Europe // *Building Evidence for Active Ageing Policies* / Eds. A. Zaidi, S. Harper, K. Howse, G. Lamura and J. Perek-Bialas. Singapore : Palgrave Macmillan, 2018. P. 261–294. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_13.

References

1. Boundly, K. (2013). Active ageing: From empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing and Society*, 33(6), 1077–1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X.
2. Foster, L. & Walker, A. (2014). Active and Successful Aging: A European Policy Perspective. *The Gerontologist*, 55(1), 83–90. DOI: 10.1093/geront/gnu028.
3. Phillips, J., Ajrouch, K. & Hillcoat-Nallemby, S. (2010). *Key concepts in social gerontology*. London: Sage, 248. DOI: 10.4135/9781446251058.
4. Bowling, A. & Dieppe, P. (2005). What is successful ageing and who should define it? *BMJ*, 331, 1548–1551. DOI: 10.1136/bmj.331.7531.1548.
5. Stenner, P. McFarquhar, T. & Bowling, A. (2011). Older people and 'active ageing': Subjective aspects of ageing actively. *Journal of health psychology*, 16(3), 467–477. DOI: 10.1177/1359105310384298.
6. Foster, L. (2018). Active Ageing, Pensions and Retirement in the UK. *Population Ageing*, 11(2), 117–132. DOI: 10.1007/s12062-017-9181-7.
7. Rudawska, I. (2010). Active ageing and its impact on labor market. *Economics & Sociology*, 3(1), 9–24. DOI: 10.14254/2071-789X.2010/3-1/2.
8. Le Feuvre, N. & Rougier, N. (2019). Gender, Ageing and Extended Working Life: Cross-national Perspectives. *Ageing and Society*, 39(5), 1093–1095. DOI: 10.1017/S0144686X19000126.
9. Ammann, I. & Heckenroth, M. (2012). Innovations for intergenerational neighborhoods. *Journal of Intergenerational Relationships*, 10(3), 228–245. DOI: 10.1080/15350770.2012.699837.
10. Jang, H., Tang, F., Gonzales, E., Lee, Y. S. & Morrow-Howell, N. (2018). Formal volunteering as a protector of health in the context of social losses. *Journal of Gerontological Social Work*, 61(8), 834–848. DOI: 10.1080/01634372.2018.1476945.
11. Fawcett, S. B., Francisco, V. T., Schultz, J. A., Berkowitz, B. Wolff, T. J. & Nagy, G. (2000). The Community Tool Box: A Web-based resource for building healthier communities. *Public Health Reports*, 115, 274–278. Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1308726/> (Date of access: 01.07.2019).
12. Zaidi, A., Gasior, K., Hofmarcher, M., Lelkes, O., Marin, B., Rodrigues, R., ..., Zolyomi E. (2013). *Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology, and Final Results*. Retrieved from: https://www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf (Date of access: 24.07.2019).
13. Musick, M. W., Regula Herzog, A. & House, J. S. (1999). Volunteering and mortality among old adults: Findings from national sample. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 54B, 173–180. DOI: 10.1093/geronb/54b.3.s173.
14. Pilkington, P. D., Windsor, T. D. & Crisp, D. A. (2012). Volunteering and subjective well-being in midlife and older adults: The role of supportive social networks. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 67(2), 249–260. DOI: 10.1093/geronb/gbr154.
15. Hank, K. (2011). How "Successful" Do Older Europeans Age? Findings From SHARE. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 66B(2), 230–236. DOI: 10.1093/geronb/gbq089.
16. Helliwell, J. F. & Putnam, R.D. (2004). The social context of well-being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*, 359(1449), 1435–1446. DOI: 10.1098/rstb.2004.1522.

17. Thompson, N. & Thompson, S. (2001). Empowering older people: Beyond the care model. *Journal of Social Work*, 1, 61–76. DOI: 10.1177/146801730100100105.
18. Khambhaita, P. (2019). Age-friendly Cities and Communities — A Global Perspective. *Ageing and Society*, 39(7), 1552–1553. DOI: 10.1017/S0144686X19000485.
19. Varlamova, M., Ermolina, A. & Sinyavskaya, O. (2016). Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia. *Journal of Population Ageing*, 10(1), 41–71. DOI: 10.1007/s12062-016-9164-0.
20. Barysheva, G., Frolova, E., Malanina, V. & Taran, E. (2018). Active Ageing Index: a Russian Study. In: A. Zaidi, S. Harper, K. Howse, G. Lamura, J. Perek-Bialas (Eds.), *Building Evidence for Active Ageing Policies* (pp. 409–435). Palgrave Macmillan, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_19.
21. Pavlova, I. A., Monastyryny, E.A. & Gumennikov, I.V. (2017). Developing the Russian Index of Elderly Population Well-Being: Principles and Conceptual Framework. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 19, 514–522. DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.70.
22. Barslund, M., Von Werder, M. & Zaidi, A. (2019). Inequality in active ageing: evidence from a new individual-level index for European countries. *Ageing and Society*, 39(3), 541–567. DOI: 10.1017/S0144686X17001052.
23. Sidorenko, A. & Zaidi, A. (2013). Active ageing in CIS countries: Semantics, challenges, and responses. *Current gerontology and geriatrics research*, 2013(1). DOI: 10.1155/2013/261819.
24. Pavlova, I. A., Gumennikov, I. V. Monastyryny, E. A. & Dhruvi, S. (2018). What is behind composite wellbeing indices? *Vestnik nauki Sibiri [Siberian Journal of Science]*, 4(31), 230–254. Retrieved from: <http://jwtsu.ru/journal/article/view/851/858> (Date of access: 29.07.2019). (In Russ.)
25. Olivera, J. (2018). A cross-country and cohort analysis of active ageing differences among the elderly in Europe. In: A. Zaidi, S. Harper, K. Howse, G. Lamura, J. Perek-Bialas (Eds.), *Building Evidence for Active Ageing Policies* (pp. 261–294). Palgrave Macmillan, Singapore, 261–294. DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_13.

Информация об авторах

Фролова Елена Александровна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет; Scopus Author ID: 57201871038; WoS Researcher ID: P-8445-2016; <https://orcid.org/0000-0002-9440-0173> (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; e-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru).

Маланина Вероника Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет; Scopus Author ID: 56350814000; WoS Researcher ID: B-6771-2016; <https://orcid.org/0000-0001-7331-0358> (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; e-mail: milanskaya@mail.ru).

About the authors

Elena A. Frolova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Economics, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University; Scopus Author ID: 57201871038; Researcher ID: P-8445-2016; <https://orcid.org/0000-0002-9440-0173> (36, Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru).

Veronika A. Malanina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Division for Social Sciences and Humanities, School of Core Engineering Education, Tomsk Polytechnic University; Scopus Author ID: 56350814000; Researcher ID: B-6771-2016; <https://orcid.org/0000-0001-7331-0358> (30, Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: milanskaya@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 09.10.2019.

Прошла рецензирование: 27.02.2020.

Принято решение о публикации: 18.12.2020.

Received: 09 Oct 2020

Reviewed: 27 Feb 2020

Accepted: 18 Dec 2020